
зарубежная
фантастика
Пол Андерсон
ПСИХОТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИГА
Издательство «Фантом Пресс»

Гений

Пол Уильям Андерсон

Аннотация
Пол Андерсон
Гений
1
2
3
4
5
6

Аннотация

С целью продолжения изучения психотехнической истории на планете возле звезды Валгор поселили группу колонистов, которые полностью состояли из одних гениев. Ученые хотели выяснить, не смогут ли они создать новые инструменты управления Империей взамен устоявшегося равновесия, которое тормозило прогресс. Но спустя полторы тысячи лет появились первые тревожные признаки, и тогда появился военный корабль, чтобы принять решение о возможной стерилизации планеты…

По сюжету, да и по времени написания, рассказ явно должен входить в цикл Психотехническая лига. Примерно предпоследним.

Пол Андерсон

Гений

1

Эксперимент продолжается уже почти пятнадцать столетий, — произнес Хейм, — и он именно сейчас начал претворяться в жизнь. Вы не можете теперь не продолжать его.

— Может, и будем, — ответил Горам, — если после изучения дел подтвердятся наши предположения. Как раз это я и собираюсь разузнать.

— Но… одна планета! Одна примитивная планета! И что чудовища, как по-вашему, там обитают? Говорю же вам: они люди, такие же, как и я… — Хейм сделал паузу. Он собирался добавить: «как и вы», — но не смог, просто не смог заставить себя сделать это. Горам выглядел каким-то недочеловеком — атавистическое наследие минувших веков, обезьяна в униформе. — Как и я, — закончил Хейм.

Казалось, колебания оставили Горама. Маршал стоял, внимательно рассматривая маленькими черными глазками психолога, вытянув вперед выдававшуюся челюсть на широком с плоским носом лице. Свет флюороламп вспыхивал на его сияющем лысиной круглом черепе. Черная, украшенная золотистым галуном униформа с во-

енной аккуратностью и тщательностью плотно облегала его, так что в некоторой степени являлась самой простой его характеристикой.

Горам произнес глухим басом:

— Таковы мятежники. Таковы варвары и пираты. Таковы слуги и рабы, преступники и сумасшедшие. Но необходимо всех их подавить. Если Семнадцатая Станция представляет угрозу, она должна быть уничтожена.

— Но какая может быть угроза… одна варварская планета… которая находится под постоянным наблюдением в течение всего этого времени! Если уж она представляет угрозу империи, в которую входят сотни тысяч звездных систем, то мы не защищены ни от чего!

— Да. В течение трех тысяч лет нашей истории Империя находится в опасности. Вам придется смириться с этим, как и нам, полководцам, чтобы осознать, насколько неустойчивой на самом деле является самая непоколебимая власть в истории. О, мы можем уничтожить варваров с периферии. Мы можем держать под контролем тараниан-цев и коми с магелланцами. — Сморщенные от усталости глаза маршала презрительно обежали снизу доверху долговязую тощую фигуру психолога. — Вы мне не опасны. Я мог бы разорвать

вас одними только голыми руками. Впрочем, достаточно дюжины вирусов антаресской чумы, чтобы после попадания в мое тело и размножения в нем, заставили бы мое тело содрогаться от боли, разрушили бы кости и плоть и, вероятно, уничтожили бы жизнь на этом корабле.

Кабинет дрожал едва заметно. Приглушенное дрожание огромных двигателей вызывало вибрацию стен корабля, пола и потолка, его огромного корпуса, орудий, которые могли бы испепелить континент, нервы и кости двух тысяч людей, населявших этот напоминавший планетоид объект. Корабль на дикой подпространственной квазискорости мчался сквозь темноту сводящего с ума пустынного пространства, отбрасывая назад свет. И дюжина случайно попавшихся протеиновых молекул в состоянии была бы уничтожить его.

Хейм упрямо кивнул.

— Я знаю, что вы имеете в виду, — начал он. — В конце концов… — в его голосе намеренно появился язвительный снобизм, — именно благодаря применению психологии и держится Империя. Военная сила — только один из инструментов для… нас.

— Для вас. Но я-то не являюсь исследовательским инструментом, я принадлежу к практичным

людям. Если я сообщу в отчете, что Семнадцатая Станция представляет опасность, мне прикажут уничтожить ее. Если я решу, что она уже сейчас представляет опасность, у меня достаточно власти, чтобы лично отдать приказ ее уничтожить.

Изможденное лицо Хейма по-прежнему ничего не выражало, но на мгновение он почувствовал физическую боль. Он оглядел кабинет, в котором не было почти никакой мебели, и, увидев почти не скрываемое торжество на суровом лице, волна отвращения охватила его.

Хейм устало подумал: «Пятнадцать столетий… терпение, работа, беспокойство, сердечные приступы и встречи рассвета… поколение за поколением, следящие с небес, изучающие, отдающие всю свою жизнь могущественнейшему проекту… Словно я и не понимал этой опасности; страх, являющийся краеугольным камнем Империи… тут мы натолкнулись на первые проблески того, что могло бы вывести нас из ловушки, в которую завела нас история… и теперь все зависит от него! От бичующего решения двуногого животного, который в слепом страхе надумал уничтожить то, чего не понимает… или даже, понимая, уничтожить просто ради удовольствия наблюдать, как лучшие люди корчатся в мучениях».

Пришли спокойствие, твердость и ледяной расчет. В конце концов, подумал Хейм, он психолог, а Горам полководец. Ведь можно справиться с этим человеком, искусно убедить его в том, что и ему нужно то же самое, что и Хейму: он сам вроде бы до этого додумался и согласился с доводами ученого.

Но все же — не спешить, действовать спокойно, осторожно. Он, Саре Хейм, ученый-исследователь, оставивший практику психотехник. Перестань бороться со слепой раздражительностью этого человека, не стоит затрачивать больше сил, чем это требуется физику для решения обычной инженерной задачи. Но сколько же зависит от этого результата… Потому что Семнадцатая Станция — ключ к следующей фазе истории — в этом Хейм не сомневался.

Он покачнулся, словно чтобы избавиться от нахлынувшего бремени, с усилием заставляя себя успокоиться.

— Я понимаю, конечно, ваше положение, — начал Хейм, — даже если и не согласен с вами. Я уверен, что, быстро просмотрев наши записи, вы убедитесь, что нет никакой опасности.

— Меня не интересуют записи, — ответил маршал. — Я мог бы изучить все эти данные и

в Солнечной системе, если бы захотел этого. Но это — для отдела психологов. Я же хочу лично совершить инспекцию.

— Очень хорошо. Однако мы можем просто показать вам снимки, которые передают наши шпионские устройства из нашего штаба в Солнечную систему.

— Меня не интересуют и ваши телеэкранные изображения. Я хочу побывать на планете, собственными глазами посмотреть на этих людей, услышать их разговоры, понаблюдать, как они работают и играют. Необходимого при этом чувства движения можно достичь только с помощью непосредственного наблюдения. — Горам агрессивно вытянул вперед свое бульдожье лицо. — О, понимаю, в ваши воображаемые теории это не входит… вы просто наблюдаете издалека и описываете все то, что видите внизу, математическими символами, которые никто не в состоянии прочесть, не имея соответствующей двадцатилетней подготовки. Но я практичный человек, я достаточно имел дел с варварами, чтобы инстинктивно чувствовать их.

«Суеверия! — горько подумал Хейм. — Типичная реакция примитивного мозга — превозносить свои собственные ни на что не годные догадки

и импульсы, называя их „инстинктом“. Несомненно, он также верит, что волосы становятся седыми от страха, а утопленников всегда находят лицом вниз. Вот уж действительно „практичный человек!“»

Было удивительно трудно лгать, когда ты всю свою жизнь честно работал ученым в монашеской общине наблюдателей на станции. Однако Хейму удалось с достаточным спокойствием заметить:

— Что ж, это очень интересно, маршал Горам. Мы часто отмечали любопытные таланты: предвидение, телепатия, телекинез и прочие штуки, проявляющиеся время от времени среди людей, которые в некоторой степени применяют эти свои способности ради собственного блага, — но нам никогда не удавалось обнаружить их. Они как бы некий феномен, негодный для обычных научных методов. Я понимаю вашу точку зрения.

«И тщу себя надеждой, что это хорошая лесть: не слишком заметная при споре, но все же намекающая на то, что он — нечто вроде супермена».

— Вы что, вообще никогда не приземлялись там? — поинтересовался Горам.

— О, нет, довольно часто — и, разумеется, все-

гда оставаясь невидимыми. Впрочем, вообще-то нам и так хватает того, что мы видим благодаря размещенным в стратегических точках записывающим телевизорам и другим шпионским устройствам.

— Планета весьма велика. С чего вы взяли, что они ничего не замышляют в тех местах, где нет этих ваших устройств? — Хейм не смог удержаться и не показать скуку и отвращение в голосе.

— Потому что история — это сообщество, — ответил он.

— Целое может быть выведено из частного, поскольку частное принадлежит целому. Почему же вдруг единственный не имеющий армии народ в Галактике начал создавать оружие?

— О, мы не боимся их военной силы — пока, — ответил Горам. — Мне следовало бы предполагать, что вы, как психолог, знаете, какого рода опасность представляет собой Семнадцатая Станция — опасность, которая может уничтожить цивилизацию. Они превращаются в разрушительный фактор — самый губительный в истории.

— Прогресс — это разрушение.

— Возможно. Но Империя основывается на постоянстве. Именно прогресс принесен в жертву

ради… выживания.

— Верно… но тут к нам попал ключ для управляемого прогресса — не представляющее опасности совершенствование. Даже постоянство не безопасно, как мы хорошо знаем. Это лишь временное средство для сохранения цивилизации, пока не случится что-нибудь еще. Ладно… мы обо всем узнаем на Семнадцатой Станции.

Горам снова хмыкнул, но ничего так и не сказал.

Звезда Валгор отстоит на добрую сотню парсеков от Солнечной системы, совсем рядом с границами Империи, однако в достаточной близости от охраняемых гарнизонами границ, чтобы надежно оберегаться от набегов варваров. Первые исследователи в поисках ненаселенных, похожих на Землю планет обнаружили неяркое G-типа солнце вдали от обычных космических линий; на короткое время здесь останавливалась древняя планетографическая экспедиция, сделала запись, что третья планета в практическом отношении является землеподобной, однако весь этот сектор Галактики был настолько изолирован от других частей и не представлял никакой пользы, что туда так и не отправили никаких других экспедиций, и старый отчет пролежал столетия

в Имперских архивах, прежде чем Психотехническое Основание воскресило его. Пятнадцать сотен лет назад…

На обычной крейсерской скорости военный корабль всего за три дня достиг из Солнечной системы звезды Валгор. Большую часть этого времени Саре Хейм провел с Тамманом Горамом. Ему пришлось выслушивать нескончаемые дурацкие воспоминания о пограничных войнах и его безупречных личных способностях, благодаря которым он смог подняться от простого новобранца до маршала Империи, но можно было и потерпеть, если только это поможет спасти Семнадцатую Станцию.

— Всем наплевать на пограничные гарнизоны, пока их это не коснется, — объявил Горам, — но говорю вам, если бы не они, Империя не просуществовала бы и года. Варвары снесли бы ее, соперничающие империи с жадностью поглотили бы все, что смогли бы удержать, и пошли бы войной ради трофеев. Один Бог знает, что сделают магелланцы… и это будет совсем не приятно… и вся создавшаяся инфраструктура будет разрушена — три тысячи лет стабильности могут так никогда и не наступить!

Для неприкрытой лести можно было использо-

вать самый официальный тон. Хейм не начинал никаких споров ровно настолько, чтобы выглядеть искренним, высказывая свое мнение по всем важнейшим пунктам.

— Мы не можем обойтись без пограничных патрулей, — сказал он, — впрочем, это напоминает любой организм, которому нужны все его органы для жизни; не можем мы отказываться и от внутренней политики, как и, конечно же, от психотехников, из которых состоит наше правительство.

— Чертовы бюрократы, — фыркнул Горам. — Теоретики… что они знают о настоящей жизни? Ладно, знаете, я побывал в трех звездных системах, которые погибли в результате набегов варваров, потому что у нас не было достаточно силы, чтобы противостоять им. Их была целая орда, дюжина солнц-союзников, а у нас были лишь три планеты с гарнизонами. Месяцами мы просили — писали на Антарес, Сириус и в саму Солнечную, умоляя прислать один обычный крейсер нового класса. Хотя бы один — и мы бы уничтожили их флот, и тогда война бы перенеслась к ним. Но нет же, приходили лишь ответы типа «находится под рассмотрением» или «крейсера требуются для более настоятельного применения»… три

солнца и согни тысяч людей погибли, потому что отъевшие животы психотехники замылили папку с этим делом.

— Проверенные роботами папки не теряются, — тихо ответил Хейм. — У меня есть друзья в администрации, и я видел, как они плакали над некоторыми из решений, которые им приходилось принимать. Нелегко бросить армию на произвол судьбы… и все же те подразделения, которые могли бы спасти их, понадобились где-то еще для отражения более мощного вторжения, либо для психического воздействия на тараниан или же ради стратегической важности какого-нибудь звездного скопления. Империя много чего приносит в жертву чтобы просто уцелеть. Гуманность просто непозволительна для правительства.

— Но разве это происходит только в военной области? — продолжил Хейм. — В конце концов, вы знаете, что Империя не заинтересована в дальнейшей экспансии. Ей нужно, чтобы цивилизация сохранялась на планетах, где она уже есть, и удерживать негуманоидные цивилизации за ее пределами. Ведь со времен Основания наша военная доктрина была в основном оборонительной… потому что мы не в состоянии совладать

с большим, чем уже есть у нас. Границы всегда находятся в состоянии войны или постоянного перемещения, но внутри самой Империи царит лишь мир.

— Да, и сколько же еще продержится Империя, даже предполагая, что за ее пределами нет враждебных ей сил, когда ее психотехнократическое правительство поменяет свою нынешнюю, самую суровую форму.

В Солнечной Империи проживает приблизительно три на десять в четырнадцатой степени людей. Негуманоидных аборигенов довольно осторожно ликвидировали, ассимилировали как рабов, либо же оставили безвредными, но все же еще сохранились люди с ужасными мутациями, обуреваемые противоречивыми желаниями, усиленными радикально отличными планетарными и социальными условиями. Можете ли вы вообразить ситуацию, когда три сотни триллионов людей начинают действовать сами по себе, подчиняясь своим конфликтующим требованиям, и у них есть атомная энергия, биотоксичное оружие и межзвездные корабли?

— Да, могу, — ответил Горам, — потому что в конце концов это и случилось — приблизительно за тысячу лет до Империи, когда наступила пол-

нейшая анархия. И… — он наклонился вперед, и суровый блеск черных глаз пронизывал Хейма, — вот почему мы не можем воспользоваться шансом, который дает этот ваш эксперимент, или что-либо еще… что-либо вообще. Тогда, во время столетий анархии, когда населения было намного меньше, повсюду царил ужас; и многие планеты были отброшены назад, к дикости, либо вообще уничтожены. Вы видели мертвые миры? Черный пепел, медленно дрейфующий в пространстве, некоторые из этих планет все еще радиоактивны — арены сражений древних войн. Люди-варвары, находящиеся за пределами границ Империи, — остатки той поры; у некоторых из них имеются космические корабли, даже технология, сравнимая с нашей, но они думают лишь о разрушении: даже если они прорвутся сквозь границы, они примутся взрывать, грабить и сражаться, пока ничего не останется. Не говоря уж о негуманоидных пограничных варварах, соперничающих империях, всегда высматривающих свой шанс, или же о магелланцах, совершающих набег каждое столетие, как и об оружии, которого нам и не вообразить никогда. Только дайте какому-нибудь разрушительному фактору потрясти силу и сообщество Империи, и

посмотрим, сколько она еще продержится.

— Я понимаю это, — холодно ответил Хейм. — В конце концов, я психолог. И полностью понимаю всю отчаянную нужду в подобном устройстве Империи. Но я также знаю и то, что это ведет ее к гибели: ее цель в поддержании удовлетворяющего ее состояния статуса не может быть понята в динамично меняющемся космосе. На самом деле Имперский империализм — просто результат игнорирования Империей других, лучших путей. И мы в состоянии обнаружить этот лучший путь только в результате исследований, и этот проект на Семнадцатой Станции — самый многообещающий среди всех исследований Основания. Пока мы не обнаружили другого пути решения нашей дилеммы, Империя находится под угрозой — рано или поздно что-нибудь случится, и она рухнет.

Глаза Горама сузились.

— Это почти что государственная измена, — пробормотал он.

Хейм рассмеялся и посмотрел на маршала осторожным, «ну, мы-то с вами понимаем», взглядом, потом отошел от стены офицерской каюты и коснулся какой-то кнопки. Телеэкран загорелся. Бесчисленное количество звезд вспыхнуло в бесконечной темноте, с величественной надмен-

ностью взирая немигающим суровым взглядом драгоценностей, распростертых на безразличном лике вечности. Вот по небу протянулся Млечный Путь, туманности и звездные скопления вращались, совершая свой долгий путь по небосклону, и другие галактики вспыхивали загадочными сигналами в световых годах и столетиях отсюда. Как всегда, психолог почувствовал себя карликом, испугался и замер, пораженный этим колоссальным воздействием.

— Это была великая мечта, — пробормотал он. — Не было более сильной мечты, чем завоевание вселенной человечеством… и все же, как это часто бывает, человечество перепрыгнуло само себя и разорвалось на части под ударами реальности — в этом случае нам поражение нанесла простая арифметика. Как согласовать и скоординировать сотни тысяч звезд, не применяя абсолютизм и намеренно сохраняемый статизм; как быть едиными с нашими собственными достижениями? Какой здесь может быть другой ответ?

Он обернулся к Гораму. Полководец сидел неподвижно, с твердокаменным лицом, словно примитивный идол.

— Мы ищем новый день, — сказал Хейм. — И

нам кажется, что мы нашли его на Семнадцатой Станции. Это первая надежда за четыре тысячи лет.

Планета была почти что земной: огромный синий сфероид, величественно вертящийся под невероятно пространственным небом с мягко сияющей луной в качестве спутника. Полярные сияния простирались через заледеневшие полюсы, и облачные массы затуманивали зеленовато-коричневые континенты: ураганы, облака, снег, дождь и ветер ниспровергались из небес на широкие прекрасные поля и величественные горы; и глядя вниз из стерильного стального окружения корабля, вспоминая о городе-планете, охватившем всю Землю, и холодной суровой механизированной системе всей Имперской жизни, Хейму вдруг на короткое время показалось, что он постиг мудрость. И тут же он позавидовал своим экспериментаторским мышкам, что находились там, внизу, на этой молодой зеленой планете. Даже если они будут уничтожены, их судьба окажется более счастливой, чем у их хозяев.

Но их не уничтожат. Не должны.

— Где находится ваш пост наблюдения? — спросил Горам.

— На астероиде, довольно далеко отсюда, и он

постоянно пребывает в невидимом состоянии.

— А почему не на спутнике? Это ведь намного ближе.

— Да, но расстояние для трансвизора не имеет никакого значения. И кроме того, если — и когда — колонисты прознают о средствах для совершения межпланетных путешествий, нам придется покинуть луну, в то время как мы остаемся совершенно скрытыми на невидимом планетоиде.

— Я бы сказал скорее «если», чем «когда», — хмуро поправил Горам. — Ведь именно вы сообщили, что местные жители экспериментируют с ракетами, которые обеспокоили правителей Империи в такой степени, что мне было приказано отправиться сюда и посмотреть, а не лучше ли просто стерилизовать планету.

— Я уже говорил вам раньше, нет никаких причин для тревог, — возразил Хейм. — Что с того, что у этих людей имеется несколько ракетных кораблей? У них нет никаких оснований для большего, чем просто посещение других миров этой системы, которая не населена… и, разумеется, нет никаких поводов для начала колонизации: их планета по-прежнему практически ненаселена. Нынешнее поколение насчитывает только восемьсот миллионов.

— Тем не менее, как только они смогут заселить всю систему, они станут представлять опасность. Больше невозможно станет скрывать важность того, что они могут сделать. И этот успех стимулирует их к развитию межзвездных путешествий; тут уж даже вы согласитесь, что этого нельзя допустить. Межзвездный привод можно создать без нашего участия, на какой-нибудь отдаленной планете этой системы; и тут же некоторые из этих людей затеряются среди звезд, и мы не будем больше иметь над ними контроля — а результаты этого могут оказаться просто катастрофическими! Представьте себе поколение гениев в союзе с варварами!

— Говорю вам, они не воинственные. За всю их историю не было ни одной войны.

— Ладно, значит они попытаются сделать улучшения в Империи, которые окажутся неудачными, если не хуже. Разумеется, их не удовлетворит существующее положение — хотя оно-то и означает выживание для нас.

— С ними можно будет сотрудничать. Бог мой, ведь сегодня у нас столько гениев в Галактике! Мы не можем обойтись без них. Они — те, кто двигают Империю вперед. Именно благодаря прогрессу, осуществляемому лучшими умами че-

ловечества, мы проводим эту гигантскую работу по поддержанию общественного порядка.

— Конечно… каждый строго воспитывается, чтобы принять рамки Империи и осознать, что ее выживание означает и его собственное выживание. Мы покорили, подчинили себе множество гениев. Но эти же — дикари — целая планета неприрученных гениев! Если их нельзя будет покорить, их нужно убить.

— Их можно будет покорить, — продолжал настаивать Хейм. — Вернее, они могут стать нашими вождями и без особых катаклизмов вывести нас из положения статус-кво, — если не прямо, то косвенно, с помощью знаний, приобретаемых в результате наблюдения за ними. Возьмем администрирование — мы усовершенствовали свое — в течение последних пятисот лет: наблюдая за работой свободного интеллекта, мы смогли вывести более точные психоматематические выражения для логических действий в качестве фактора, воздействующего на наше общество.

— Я уже все это слышал раньше, — утомленно произнес Горам. — А теперь я хочу спуститься вниз и посмотреть.

— Очень хорошо. Конечно, я отправлюсь с ва-

ми. Вы желаете, чтобы был еще кто-нибудь?

— А нужно ли?

— Нет, там совершенно безопасно.

— Значит, не нужно. Через полчаса встречаемся на борту Сороковой шлюпки.

Горам, тяжело громыхая, ушел, чтобы отдать нужные приказания.

Хейм некоторое время постоял в дыму, глядя через иллюминатор на молчаливую вращающуюся внизу планету. Похожий на зловещую луну военный корабль вращался на орбите за пределами атмосферы. Несмотря на свою массу, достигавшую веса Титана, он был незначителен перед этой громадой простиравшейся внизу планеты. Невзирая на пушки и бомбы, смертоносные туманы и гравитационные лучи, дезинтеграторы и торпеды, распыляемую радиацию и коллоидно-резонирующие генераторы, все те тысячи адских штук, которые создал человек за все свое мучительное существование, сейчас собранных здесь, способных снести все живое с поверхности и покрыть содрогнувшиеся континенты дымом и пламенем и оставить почерневшую планету одной огромной гробницей под безразличным взором звезд.

Нет-нет, это было неверно. Такой силы не было

на корабле, это был просто инертный металл с электронным интеллектом без свободы воли, космическая искорка, которая без человека вращалась бы во тьме вечности. Воля и следовательно власть уничтожать принадлежала людям… только одному человеку. Одной горилле в униформе. Одному пещерному человеку с маршальским жезлом.

2

Защищенная экраном невидимого поля, шлюпка по спирали устремилась вниз к поверхности планеты. Горам позволил роботу-пилоту управлять кораблем и большую часть времени пристально всматривался в визиоскоп.

— Не слишком много признаков населенности, — заметил он.

— Да, я ведь говорил вам, что население все еще небольшое, — ответил Хейм. — В конце конов, сюда первоначально за первые несколько столетий доставили всего лишь несколько тысяч человек, которые, как и все дикари, упорно сражались за то, чтобы выжить. Только впоследствии население действительно начало расти.

— А вы говорили, что у них теперь есть города… машины… цивилизация? В это трудно поверить.

— Да. В целом результат — триумфальное подтверждение психотехнической теории истории, но тем не менее четко наблюдаемый характер этого успеха пугает нас. Естественно думать о расе, которая прошла путь от обнаженных дикарей до механизированной цивилизации за пятнадцать сотен лет, как о демонической. И все-таки

они люди, такие же люди, как и любой другой народ в Галактике, происходящий из одного и того же места, — древней Земли, как и все люди. Им просто нравится преимущество свободы над глупостью.

— Сколько всего станций?

— Около ста; это планетарные колонии, с колонистами, не обращающими внимания на' свое происхождение, где поддерживаются различные, характерные лишь для данной станции условия. Другая среда, к примеру, особые банки с человеческой спермой. На всех них лежит отпечаток исторического прогресса, втайне от них, разумеется, и таким образом мы узнаем данные о психологических процессах среди масс. Но Семнадцатая превзошла все самые смелые ожидания.

Горам нахмурил свой низкий лоб. «Как же он напоминает типичного военного, — подумал Хейм, — со свойственной для них жестокостью тянувших назад человечество в течение всей его истории — кроме одной планеты в системе звезды Валгор!»

— Я все еще не могу понять этого, — признался маршал. — Зачем тратить время и деньги на создание искусственных условий, которые так

никогда и не встретятся в реальной жизни?

— Таковы научные методы, — ответил Хейм, спросив себя, на каком элементарном уровне ему нужно будет начать свои объяснения. Как можно быть таким глупым и занимать положение маршала? — Чтобы определить причинные связи, ученый должен последовательно осуществлять эксперименты, в которых он изменяет один лишь фактор, следит за результатами… и, конечно, одновременно проводит контрольные эксперименты. Исходя из этих данных, он выстраивает сходные отношения в реальном мире. С помощью теоретических анализов наблюдаемых фактов он может предвидеть новые явления, и если эти явления подтверждаются в ходе дальнейших наблюдений, теория, по всей видимости, — хотя никогда нельзя быть уверенным — оказывается верной, ее можно применить для понимания и контролирования событий уже и реального мира. — Поневоле Хейм разошелся вовсю. В конце концов, этому он посвятил всю свою жизнь.

— Гм-м! — Горам посмотрел в визиоскоп. Шлюпка проносилась над широкой равниной, желтой от созревающего зерна. По этому огромному пространству были разбросаны несколько примитивных деревень, домики, построенные

из кирпича, камня и дерева, остатки рассвета цивилизации.

— Планета кажется вполне отсталой, — проворчал Горам с сомнением.

— Да, — горячо откликнулся Хейм. — Уверяю вас, так оно и есть.

— Что ж — это утверждаете вы… — Горам, похоже, совсем не был уверен в том, что говорил Хейм. — Вернемся к нашему делу.

— Первые исследователи культуры были поражены сходством развития различных цивилизаций: человечество как бы проходит по одному и тому же неизбежному пути. В некоторой степени это правильно: одно ведет к другому. Растет количество столкновений культур, еще более жестоких войн, усиливаются древние страхи и опасения, экономические катастрофы увеличивают разруху. Наконец, и обычно это происходит, не подчиняясь законам здравого смысла и без особой охоты, одна нация подчиняет все остальные для собственной защиты и основания «универсального государства», что останавливает в какой-то степени опустошение, но постепенно оно приходит в упадок и рушится от собственной слабости или под влиянием захватчиков извне. Именно это в целом и случилось

с человечеством, когда оно распространилось по Галактике, — только тогда еще более ужасающие ресурсы войны были целиком направлены на разрушение цивилизации. Затем власть в свои руки взяла Солнечная Империя, и она существует неизмеримо дольше, чем большинство предыдущих универсальных государств, потому что ее правители знают в достаточной степени психологию масс, чтобы осуществлять необходимый контроль над своими сотнями тысяч планетарных систем.

Океан покачивался под шлюпкой, серо-зеленый, и на бесконечном горизонте виднелась белая полоса.

— Поверните на северо-восток, — попросил Хейм. — Самый большой город этой планеты находится в той стороне, на огромном острове.

— Хорошо. Город — хорошее место для наблюдения за людьми. Мы можем проникнуть в него инкогнито?

— Разумеется. Я вполне достаточно знаю язык, чтобы сойти за путешественника из какой-нибудь другой части этого мира. Между континентами существует множество связей. Жители городов — вполне коспомолитичны.

— Что ж… продолжим. Вы все еще не объясни-

ли, зачем нужна вся эта секретность.

— Я уже подхожу к подоплеке этого, — произнес Хейм, не в силах сдержать всю охватившую его скуку в своем голосе. «Могу ли я по-настоящему поговорить с этим идиотом? И может ли кто-нибудь вообще? Объяснять обезьяне…» — На самом деле все очень просто. Наша военная мощь сдерживает варваров и захватчиков из Магеллан, и у нас остается еще достаточно сил для поддержания порядка среди трехсот триллионов граждан.

— И все-таки психотехнология — это примитив. При таких огромных масштабах она может справляться только с самыми простейшими возникаемыми ситуациями. И мы можем только и всего, что поддерживать устойчивость Империи. У нас хватает проблем с поддержанием промышленности и коммерции на одном постоянном уровне. Если мы разрешим свободное изобретательство и прогресс, то каждый год нас будут ждать промышленные революции. Наша тщательно разработанная техника управления станет устаревшей; настанет экономическая анархия, разразятся конфликты, страдания, отдельные индивидуумы поднимутся на борьбу с существующим общественным устройством, угрожая координирующей работе властей и от-

брасывая назад обе стороны, а наши враги будут лишь следить за этим мгновением нестабильности.

Это только один пример. И его можно применить для любой области. Наука, философия — мы можем контролировать известные религии, воздействуя в безопасных направлениях, — но новая религия содержит в себе неизвестные элементы — и вот уже миллиарды фанатиков ринулись воевать… Нет! Нам придется поддерживать статус-кво, как мы его понимаем, слишком уж великой может оказаться цена неконтролируемого прогресса неизвестности.

— Империя на самом деле существует, чтобы упростить психотехнические проблемы координаторской деятельности. Поддержание постоянного населения… хорошо еще, что нам не нужно беспокоиться в отношении контроля триллионов рождающихся детей — нет новых земель. Стабильная промышленность, консервативная физическая наука, государственная религия, тоталитарный контроль, осуществляемый в течение всей жизни… хорошо еще, что мы точно знаем, с чем мы имеем дело, и нашим решениям подчиняются… представьте себе ситуацию, когда в Галактике триста триллионов людей вольны

делать все, что им вздумается! — Хейм пожал плечами. — Стоит ли продолжать? Вы знаете так же хорошо, как и я, что Империя — единственный ответ на проблему выживания… не идеальный ответ, но это самое лучшее, что у нас есть.

— Ха! — Выражение лица Горама было торжествующим.

— И вы хотите сделать этот мир непредсказуемых гениев свободным!

— Если бы хоть на мгновение думал, что существует хотя бы какая-нибудь угроза превращения этих людей в разрушающий фактор, я первым предложил бы стерилизацию, — ответил Хейм. — В конце концов, я тоже хочу жить. Но нет оснований для страхов. Вместо этого — надежда.

— Какая еще надежда? — фыркнула Горам. — Лично я, между прочим, не могу понять, чего вы хотите. В течение грех тысяч лет мы сохраняем в людях удовлетворение. И кому нужно изменять это?

Хейм погасил свой гнев.

— Если не считать того, что удовлетворение подобно смерти, — произнес он, — история показывает, что универсальные государства не сохраняются вечно. Рано или поздно, но мы столкнемся лицом к лицу с чем-нибудь, что переборет

нас. Если только мы сами не эволюционируем. Но безопасная эволюция возможна лишь тогда, когда мы в достаточной мере познали психотехническую науку, чтобы поддерживать процессы в мире и порядке, когда наша наука в самом деле качественна. Станции, особенно Семнадцатая, дают нам информацию, которая нужна нам для развития подобной науки.

3

Остров находился в нескольких километрах к северу от огромного северного континента. Теплое течение океана смягчало климат, так что эта земля зеленела среди серой громады моря, но полярный воздух приносил на юг туманы, дожди и снега, над горизонтами проносились ураганы, а солнце бросало яркие лучи вниз сквозь почти непроглядное небо неподвижных облаков и мечущихся ветров. Хейм подумал, что такие погодные условия во многом способствовали лидерству островитян в цивилизации планеты, как и благоприятное расположение на перекрестке северных торговых путей.

Среди полей, равнин и с краю леса простиралось множество деревень, но был всего один город, в устье, невдалеке от северного побережья. С воздуха это не слишком впечатляло того, кто привык к виду городов-планет Солнечной системы, Сириуса и Антареса: распростертое собрание примитивных, часто с соломенными крышами построек, узких, мощенных булыжником улочек, заполненных пешеходами и повозками, запряженными животными, гавань, где среди

парусников совсем затерялись корабли, движимые паром или при помощи нефти, почти доисторический аэропорт; но у этого места был едва заметный, но безошибочный облик города, общины, знающей больше и воздействующей на события, происходящие далеко за собственными границами.

— Мы можем приземлиться так, чтобы нас не заметили? — поинтересовался Горам.

Хейм рассмеялся.

— Странный вопрос для военного. Эта шлюпка вполне надежно экранирована, как и все самые лучшие устройства Империи! Даже Флоту было бы непросто определить наше местонахождение. О, да, еще мы, наблюдатели, совершаем время от времени посадки за время существования станции.

— Должен заметить, это место в достаточной степени кажется отсталым, — сказал Горам с сомнением. — Существование городов, разумеется, доказывает…

— Ну… — Хейм заставил себя продолжить спор. — Не обязательно. Город, то есть общность людей с множеством целей, — один из критериев того, цивилизованное ли это общество или просто варварское в техническом антропоморфическом

смысле. Верно, города как определенные центры исчезли на Земле после Атомной Революции, но это случилось просто-напросто потому, что такие замкнутые в пространстве строения больше не были нужны. И в этом смысле для поддержания близких отношений с остальным человечеством и для координации действий у людей Земли сохраняется право иметь города. И сегодня самые старые планеты Империи становятся настолько заселенными, что вновь появляются скопления строений — фактически, весь мир превращается в один огромный город. Но я соглашусь с тем, что эта своеобразная стадия городской эволюции, что существует здесь, на Семнадцатой, примитивна.

Горам посадил шлюпку на свободном поле за пределами города.

— Что теперь? — спросил он.

— Ну, я думаю, вам захочется просто провести время, прогуливаясь по этому месту. — Хейм полез в сумку. — Я взял с собой соответствующее оборудование, одежду и местные деньги этой планеты, естественно, поскольку универсальная платежная система была установлена в то же время, когда и общий язык адаптировался для межнационального использования, и никого не беспокоит, какая на вас одежда. — Он развернул

короткие летние одеяния, шорты и сандалии, тунику из выцветшей волокнистой ткани. — Как странно, — пробормотал Хейм, — что человек всегда ищет во всем необходимость. Земли, которым угрожает вторжение извне, начинают восхвалять милитаризм и войну. Люди, которым приходилось упорно работать, считали праздность позорной. Те, кто жил в холодном климате, кому приходилось носить одежду, сделали обнаженность аморальной. Но наши колонисты свободны здесь от необходимости подобного рода компенсаций и оправданий. Можно работать, думать, жениться, есть, одеваться, делать все, что угодно, чего только захотите, но пока вы не наступите на чью-нибудь ногу, никого это не беспокоит. Это показывает, что нетерпимость — характерная черта глупости, в то время как настоящий интеллектуал естественно склонен жить и позволять жить другим.

Горам неуклюже сражался, не скрывая отвращения, с архаичными одеждами.

— А как насчет оружия? — спросил он.

— В этом нет необходимости. Оно никому здесь не нужно; лишь дикие животные могут представлять опасность. Фактически, вооружение — почти единственное, чем колонисты не зани-

маются в своем изобретательстве. Они никогда не шли дальше лука и стрел. Кроме нескольких дуэлей на ранней стадии их истории, теперь забытых, они — никогда не сражались друг с другом.

— Невозможно! Человек — это сражающееся животное.

Хейм попытался найти ответ, который не слишком откровенно бил бы по всей военной профессии.

— Во всех наших других колониях были войны, — медленно начал он, — и, конечно, так было в течение всей человеческой истории… и все-таки нет никаких действительных, логических причин для этого. Честно говоря, на стадии доисторического человека, в позднем неолите, война, похоже, была неизвестна — по крайней мере среди захоронений людей того времени не было найдено никакого оружия. А ведь ваша профессиональная цель сегодня — поддержание мира во всей Империи, не так ли?

— Чтобы устроить стычку, достаточно желания всего одного, даже если у остальных не хватит духу сопротивляться… а люди, вроде этих, очевидно его имеют: пятнадцать сотен лет они исследуют всю свою планету. Впрочем, пусть ни одна из

сторон не желает драться. Когда бы два племени не встречались, за время существования Семнадцатой Станции, они оказывались слишком интеллигентными, чтобы драться. Поэтому они и не дрались. Это же так просто.

Горам фыркнул, то ли в презрении, то ли в неверии, Хейм не понял.

— Пойдемте, — сказал он. Они вышли из шлюпки за пределы невидимого экрана на поле. Высокая колыхаемая ветром трава щекотала их обнаженные ноги, а ветер приносил тяжелый запах растущей зеленой жизни, заполнявшей многие километры полей и лесов; совершенно невероятно было видеть эту пульсирующую жизнь после запертой в металл стерильности корабля и Империи. И вверху, в голубом, заполненном облаками небе напевала птичка, поднимаясь все выше и выше к солнцу, опьяненная ветром и светом.

Два человека пошли пешком по полю к дороге, которая вела в сторону города. Это была узкая разрушенная коричневая земляная тропа, и Горам снова фыркнул. Они пошли по ней. На холме справа от них располагалась ферма, твердое, материальное, радующее глаз скопление низких, покрытых черепицей каменных строений

и открытых полей, а впереди у самого горизонта находилась смутно видимая черта города. Они были одни.

— Все ли ваши колонии-планеты дикие? — спросил Горам.

— Почти, — ответил Хейм, — однако окружающая среда часто совершенно иная: начиная с миров, где жить можно только лишь в пустыне, и кончая теми, где одни лишь джунгли и болота. Таким образом, мы можем изолировать воздействия среды. У нас даже есть одна планета, где имеются комплексы городов, населенных роботами, где мы изучаем, как будут реагировать необученные люди. Есть три контрольных станции, землеподобные планеты, где были оставлены люди обычного человеческого типа, и оттуда мы получаем ценную информацию о пути, который выбирает земная история. Затем имеется целый ряд планет, где размещены разные народы — разные расы, с разным уровнем интеллекта, и так далее — для изоляции воздействий наследственности и чтобы посмотреть, имеются ли какие-нибудь корреляционные связи между цивилизацией и, скажем, физиологией. Но только тут, на Семнадцатой, населенной исключительно гениями, прогресс проходил быстро. На

всех остальных планетах-колониях цивилизация все еще пребывает на уровне каменного века или еще ниже.

— Ага, вы имеете в виду, что просто оставили на всех этих планетах все течь своим чередом?

— По правде говоря, да. Например, перед колонизацией Семнадцатой мы, то есть, Основание, в течение жизни нескольких поколений производили отбор и выращивание гениев. Подчиняясь приказам Империи, были выращены лучшие умы Галактики, применялся генетический контроль и отбор, пока не был отобран запас спермы, наследующей гениальность только в интеллекте. То ли в результате ограниченной мутации или же случайно, без разницы, но люди здесь и их дети могут быть только гениями. Потом несколько тысяч взрослых людей, которым, разумеется, не сообщили, кто они такие, были схвачены и подвергнуты стиранию памяти, после которого они способны были лишь ходить, принимать пищу и еще кое-какие простейшие действия. Затем группами по двести человек их разместили в различных климатических районах неподалеку от расположенных в стратегически важных местах невидимых шпионских устройств, и наблюдатели с астероида следили, что же будет

происходить. Это случилось пятнадцать сотен лет назад, и вот уже около сорока лет я слежу за изменениями, которые тут весьма заметны.

Горам нахмурился.

— Поэтому, если экстраполировать в будущее их совершенствование, можно ожидать, что разработка ими межпланетных путешествий, — вопрос лишь нескольких лет, — заметил он. — А еще через несколько поколений они познают принципы межзвездного привода и почти тут же изобретут сверхсветовой двигатель. Нет… Они вовсе не безвредны!

Странно было прогуливаться по узким мощенным булыжником улочкам, среди высоких архаических фасадов зданий города, который, казалось, принадлежал почти забытому прошлому. Для Горама, который, наверное, посетил множество нецивилизованных планет, это могло казаться не настолько уж странным, как Хейму, и кроме того, у военного ума должно было быть слишком мало воображения, чтобы по достоинству оценить эту ситуацию. Но, хотя Хейм провел лучшие годы своей жизни, наблюдая за этой культурой, в нем никогда не пробуждалось смутное чувство сноподобной нереальности.

Всего лишь одна живописность мало чего стои-

ла, однако это место было в достаточной степени красочным. По мощенным булыжником дорогам шли люди этого мира. Тут были фантастически выглядевшие звери, с измененными в процессе генетического отбора рогами и копытами, и другие еще более экзотические одомашненные существа, на которых ездили и перевозили поклажу; между ними осторожно двигались грузовики и машины с пассажирами, с четко прослеживающейся линией конструкторского решения, все с подчеркнутой присущей машинам красотой, с которой могла сравниться только лишь Империя. Но самыми замечательными были люди.

Не стоит и говорить об их явном отличии. Тут были люди самых различных физических типов, начиная от длинноволосых островитян и кончая приземистыми жителями Арктики или обгоревшими на солнце южанами; костюмы их отличались соответственно, однако даже чужеземцы старались носить что-нибудь из местной легкой летней одежды. Если тенденция к более высоким лбам и более четким чертам лица, по сравнению с обычной в Галактике, и не поражала, то уклон к этому был здесь более заметен, чем где-либо в ином месте. Длинные волосы как у мужчин, так и у женщин, густые бороды, носимые

многими мужчинами, показывали интеллектуальность внешнего вида за покрытой волосками вуалью, которая была присуща варварам на периферии. Нет… отличие от любого другого мира в Галактике было настоящим и безошибочным, но не физическим. Оно было в чистом воздухе города, где ни из одного дымохода не струился дым, в чистых улицах, продуманности уличного движения, в спокойных передвижениях, когда не возникали столкновения и неразбериха. В чистых телах и мягких голосах этих людей, в равенстве полов, на что уже не обращалось особого внимания даже на этом примитивном уровне технологии. В негативном плане — в отсутствии трущоб и тюрем, в позитивном — в наличии парков, школ и больниц. Не было видно никакого оружия или униформы, но у многих на улицах были книги либо же одеты они были в рабочие халаты в пятнах от химических веществ. Не было страстно взывающих ораторов, и лишь огромная группа людей сидела на траве в одном парке и слушала лекцию по орнитологии. Смех был приглушенным, но его было больше, чем когда-либо Хейм слышал где-нибудь в Империи.

Горам однажды пробормотал:

— Кажется, я тут услышал несколько совершен-

но новых языков.

— О, да, — ответил Хейм. — В каждом регионе, само собой, развился свой собственный язык и вообще-то люди привязались к нему скорее по сентиментальным причинам, а также потому, что мысли людей лучше выражаются в разговоре на языке, который они сами и развивают. Но как только контакт между различными местностями стал обычным делом, был разработан межнациональный язык, и его знают все, кому приходится им пользоваться. По правде говоря, только около пятидесяти лет назад прижился этот совершенно новый всепланетный язык, единственно правильный в соответствии с вновь определенными правилами семантики. Это больше, чем было сделано в Империи. Мы можем говорить на земном языке практически без всякой опасности, он сойдет за какой-нибудь местный диалект, да и я могу говорить с местными жителями за нас обоих.

— И все-таки, — нахмурился Горам, — мне не нравится это. У каждого человека здесь коэффициент интеллекта выше моего; так не должно быть в этом сборище варваров. Я чувствую себя так, словно все следят за мной.

— Да, большая часть этих людей обращает на нас внимание, гении по своей природе наблю-

дательны, — заметил Хейм. — Но мы ни в коей мере не вызываем подозрение. Наши агенты часто лично посещают эту планету, не привлекая внимания.

— А вы ведь не говорили, что открыто посещали планету?

— Верно, но лишь несколько раз, несколько столетий назад, мы совершили захватывающие дух посадки на планету, опускаясь по воздуху на гравилучах в светящейся одежде и совершая чудеса. Понимаете, даже эти примитивные племена не выказали никаких признаков организованной религии, шедшей дальше обычных магических обрядов, возникших в дальнейшем. Мы хотели посмотреть, нельзя ли вызвать поклонение божеству. — Хейм криво улыбнулся. — Но через поколение, которое действительно видело нас, не осталось никаких следов этой нашей деятельности. Я думаю, молодые с их независимыми разумами просто отказались верить в безумные рассказы стариков. Не то чтобы у этих людей совсем нет религиозного чувства. Довольно высок процент неверующих, впрочем, здесь также имеется огромное количество философской и даже религиозной литературы. Но нет никаких философских школ, и каждый скорее самостоятельно

приходит к своим собственным выводам.

— Я не понимаю, как же возможен тогда прогресс.

«И не должен понимать», — презрительно подумал Хейм, но лишь усмехнулся, а вслух же произнес:

— Но, очевидно, он есть.

Самолет промчался низко над их головами, и водитель фургона принялся сражаться со своими вдруг запаниковавшими животными. Горам произнес:

— Самый большой парадокс здесь состоит в анахронизмах. Парусные корабли и те, что работают на нефти, соседствуют в доках друг с другом; сила животных, которых используют в качестве тягловой силы на улицах вместе с химическими двигателями; каменные и деревянные дома с мощными дымоулавливателями — как вам это?

— Частично это результат чрезвычайно быстрого прогресса, — объявил Хейм. — Новые изобретения появились до того, как экономика приспособилась к ним. Не будет много машин, пока не будут созданы фабрики, обеспечивающие массовый выпуск продукции, и следует подождать развития знаний по механике, чтобы усовершенствовать фабрики до почти полной

автоматизации, чтобы лишь несколько из этих гениев могли работать, стоя за сборочной линией весь день. Тем временем этот народ без особой торопливости развивает свой стандарт жизни. У них уже достаточно пищи, одежды, других необходимых вещей, так же как и множество свободного времени… так зачем напрягаться и идти дальше?

Горам на мгновение замолк, затем пробурчал последнее возражение:

— Но они создают ракеты!

— О да… но существует отличие между эксплуатацией и исследованиями. Социальная система, существующая здесь, уникальна, и сама не ведет к империализму. Империи не нужно бояться Семнадцатой Станции.

— Я уже говорил вам раньше, что меня не беспокоит военная мощь, — огрызнулся Горам.

Хейм замолк, потому что вдруг почувствовал леденящий страх, что этот маршал мог, либо имея на то свои соображения, либо будучи спровоцированным, решить уничтожить эту колонию. С растущим отчаянием он глядел на этих людей: счастливых детей, игравших под открытым небом, спокойных, урбанизированных и сильных своей непобедимой силой интеллекта.

Это воистину был гомо сапиенс, человек разумный, — человек, который добывал огонь из чрева вулканов в давно минувшие столетия ледяной эпохи, когда он начал долгое путешествие во тьме. И с тех пор он далеко ушел, но оказался в тупике. И только здесь, в этом одном ничем не примечательном мире из бесчисленных миллионов, заполонивших звезды, только здесь былой поиск был продолжен, по пути надежды, которым когда-то шел человек.

Психолог произнес с отчаянием, явственно слышимом в его голосе:

— Горам… Маршал Горам… конечно же, вы понимаете, что этот эксперимент не представляет угрозы. Даже более того, это самое лучшее, что когда-либо случалось во всей истории человечества. Одно только отсутствие войн доказывает это. Я могу продолжить список этих доказательств. Местная социальная система чудесным образом соединила прогресс и стабильность. Только дайте Основанию шанс узнать от этих людей… или даже, если они и в самом деле разработают межзвездный привод, дайте им возможность самим научить нас. Это самая рассудительная раса во вселенной, и они будут на стороне цивилизации, и, со временем изучив ее, они смогут сохранить

ее лучше, чем мы сами.

— Позволить этому сборищу варваров захватить святой трон? — пробормотал Горам.

Хейм закрыл рот, и его изможденное лицо сжалось от внезапной решимости. Он оглядывал этот животрепещущий город, и огромная нежность и жалость охватила его… «Бедные вы гении, бедные беспомощные немудрые супермены…» И он пришел к неумолимому решению.

Слишком много было поставлено на карту, чтобы его личная судьба имела какое-нибудь значение. Разумеется, этому безрассудному всеуничтожающему атависту нельзя позволить заблокировать ход истории. Он попытается, он сделает все от него зависящее, чтобы переубедить Горама, потому что иначе Станция подвергнется фантастическому риску, невзирая на всю ее подготовку и принципы… включая элементарное чувство самосохранения.

Но если ему это не удастся, если Горам останется таким же упрямым, тогда ему придется воспользоваться теми же самыми примитивными методами, что и этот полководец. Гораму придется умереть.

4

На западе появились облака вместе с заходящим солнцем, грозой в небесах и холодным мокрым ветром, дующим с моря. Горам и Хейм покончили с простой, но удовлетворительной пищей в маленьком ресторане, и психолог сказал:

— Нам лучше поискать место, где бы остаться на ночь.

— Вы будете в этом городе завтра?

— Не знаю, — коротко ответил Горам. Он был молчалив и раздражен во время всего этого путешествия по метрополии. — Мне нужно поразмыслить надо всем тем, что я увидел сегодня. Тут достаточно фактов для принятия решения, хотя я, возможно, захочу посмотреть и другие части планеты.

— Я оплачу счет, — предложил Хейм. Он изо всех сил пытался, чтобы голос и лицо не выдали его. — Я спрошу у официанта насчет какой-нибудь таверны.

Хейм пошел за этим человеком на кухню.

— Пожалуйста, — начал он на международном языке, — я хочу заплатить по счету.

— Очень хорошо, — ответил туземец, высокий

молодой парень со слабыми, утомленными глазами школяра, вероятно, студент, зарабатывающий здесь возможность учиться. Хейм небрежно взял несколько монеток.

— И… есть тут где-нибудь место, где можно было бы переночевать?

— Прямо вниз по улице. Чужестранец, я не ошибся?

— Да. Из Караллы по делам. О… и еще одно. — Понадобились невероятные усилия, чтобы выдержать этот неподвижный взгляд. Хейм, понимая собственную неуклюжесть, пробормотал просьбу:

— Я… э-э… я потерял свой нож, а мне он нужен, чтобы сделать завтра несколько искусных образцов для дисплея. А сейчас все магазины уже закрыты. Интересно, может, у вас найдется один лишний, и я бы купил его.

— Ну… — Туземец замолк на несколько секунд. На мгновение Хейму подумалось, что туземец собирается задать вопрос, и он напрягся, словно на него что-то физически воздействовало. Но в мире, где преступление было совершенно неизвестно, вне пределов обычной политической жизни, даже такая грубая выдумка сойдет. — Да, думаю, у нас найдется, — ответил официант. — Вот там я

найду для вас один.

— Нет… Я лучше пойду сам… не буду доставлять вам хлопот… выберу один для себя, если… э-э… если у вас есть несколько лишних. — Хейм следовал вплотную за официантом.

Кухня была чистой, без единого пятнышка, однако казалось невероятным, что пища приготовляется по-прежнему на огне. Хейм выбрал небольшой острый нож, завернул его в тряпочку и сунул в карман. Официант и шеф-повар отказались от денег.

— У нас и так их множество… рады были помочь посетителю.

— Чем это вы там занимались? — поинтересовался Горам.

Хейм облизнул застывшие губы.

— Этот официант — новичок в этом заведении и ходил узнавать у повара насчет отелей.

Когда они вместе вышли на улицу, начали падать первые капельки дождя. Яркими вспышками молний озарялось небо над их головами. Горам вздрогнул, когда почувствовал пробирающий холодок.

— Проклятое место, — пробормотал он. — Нет ни управления погодой, ни даже крыши над городом… нецивилизованным.

Хейм ничего не ответил, хотя и порывался это сделать. Казалось, что лезвие в его кармане обладало дополнительным весом.

5

Он посмотрел вниз с пружинящей высоты своего роста на приземистую массивную фигуру полководца. «Я никогда не убивал, — тупо подумал он. — Я никогда даже не дрался, ни физически, ни умственно. И я не справлюсь с ним. Мне придется подкрасться к нему сзади и нанести удар».

Они вошли в отель. Клерк читал журнал, страницы которого, похоже, были испещрены одними только математическими символами. Вероятно, это был какой-то ученый на своей основной работе. К счастью для Горама, здесь не было видно ни одной книги посетителей — и клерк лишь небрежно кивнул им в сторону их комнаты.

— Никакой системы, — пробормотал Горам. — Как они могут проследить за кем-нибудь, если нет никакой регистрации?

— Они не делают этого, — ответил Хейм. — Им этого не нужно.

Комната была огромной и хорошо меблированной.

— Я спал и в худших местах, — ворча, заметил полководец. Он плюхнулся в кресло. — Но это

первое место, где я вижу, как нанятая прислуга читает технические журналы.

— Это вполне легко объяснить. Даже несмотря на высокую степень развития разума нужно заниматься и мириадами обычных задач, необходимых для поддержания существования цивилизации, начиная от уборки мусора и кончая правительством, и кто-то должен заниматься этой работой. Нынешнее устройство-компромисс, когда каждый небольшую часть времени отдает подобным работам. Можно выполнять ручную работу, преподавать, работать на предприятиях общественного сервиса, вроде фермы и ресторана, где только твоя душа пожелает, а затем всю оставшуюся жизнь ни о чем больше не беспокоиться, ибо проводить на этой работе несколько часов в день, по два-три, но более долгий период времени. В результате как нужды, так и общественные излишки доступны всем, также как образование, здравоохранение и любое другое, что считается желаемым. Эта планета, по правде говоря, может обходиться без денег, но более удобно платить наличными, чем заполнять кредитные карточки.

В данном случае это, вероятно, одна из причин того, что тут не проявляют особого интереса к про-

изводству большего количества материальных товаров для всех — это означало бы, что каждому придется проводить больше времени в шахтах, на фабриках, и меньше — на выбранной работе. И, по всей видимости, такую цену эти гении не хотят платить. Я не думаю, что здесь будет какой-нибудь прогресс в прикладной науке, если только исследовательские проекты, начатые некоторое время назад, не завершились созданием роботов, предназначенных для этой цели.

— Э-э… — пробормотал Горам. — Вот-вот, позволить им распространиться по Галактике, чтобы они узнали, что у нас есть подобные роботы, брошенные в нерабочем состоянии, поскольку население Империи должно быть занято работой. И они могут просто-напросто разрушить всю эту систему благодаря изобретению и распространению этих роботов.

— Вы что, никак не можете поверить, что они вполне понимают основания для поддержания статус-кво? — спросил Хейм. — Они также, как и мы, не хотят, чтобы у них на шее висели варвары. Они помогут нам сохранять Империю, пока не найдут безопасного способа для изменения условий.

— Возможно. — Горам сжал губы. — И все же

они будут поддерживать равновесие сил, что есть как раз то, чего нельзя позволять ни одной группе людей, кроме как Империума. Бог мой! С чего вы вообще взяли, что они на нашей стороне? Они могут решить, что им больше подойдет быть с нашими соперниками. Либо их может рассердить то, что все эти столетия мы используем их так бесцеремонно.

— Они не держат обид, — сказал Хейм. — Гении не держат.

— С чего вы это взяли? — Горам выпрыгнул из кресла и начал шагать по комнате. Он почти что кричал. — Вы все время повторяете, что гении по природе миролюбивы и терпимы, неэгоистичны, имеют прочие добродетели. Хотя ваша собственная история противоречит вам во всем этом. Каждый великий военачальник был гением. Но это были гении-садисты, гении-фанатики и гении-преступники. Да, безумные гении! Да, любой из сотни миллиардов высокопоставленных людей в Имперском Правительстве — это гений; на нашей стороне и у более, чем половина вождей варваров, как известно, был интеллект гения. — Он повернул свое покрасневшее и перекошенное лицо к психологу. — С чего вы взяли, что это — планета святых? Ответьте мне на этот вопрос!

Хейм дрожащими руками взял сигаретную пачку. Он протянул ее Гораму, который покачал своей огромной круглой головой в гневном отказе. Несколько секунд психолог потратил, чтобы сунуть один из цилиндров себе в рот и зажечь его. Он глубоко втянул дым в легкие, изо всех сил стараясь успокоиться.

Это был его последний настоящий шанс убедить Горама. Если не удастся, тогда ему придется просто попытаться убить полководца.

Хейм медленно произнес:

— Для объяснения теории исторического прогресса мне придется прочитать вам довольно долгую лекцию.

Горам снова развалился в своем кресле, грубый, сильный и надменный. Его маленькие черные глазки сверлили испытующе психолога.

— Я слушаю, — резко произнес он.

— Ну что ж… — Хейм шагал взад-вперед, сложив руки за спиной. — Очевидно, если изучить только историю, весь прогресс обязан своим существованием индивидуальностям с талантом или другим каким-нибудь даром. И всегда, в каждой области жизни, этот счастливчик с талантом был впереди и вел за собой слепую массу толп. Республика — это единственная форма государства, которая

делает вид, что предлагает самоуправление, и как только население достигает надлежащей величины, народом вновь начинают вертеть как хотят, его правители сражаются за власть с помощью денег и таких средств массового гипноза, как служба новостей и прочее. И все республики превращаются в диктаторские государства, по правде говоря, за самое большее, несколько столетий. И это еще более ясно в таких областях творчества как искусство, наука и религия.

Обыкновенный человек — это просто скромный дурак. Возможно, при соответствующей подготовке сознания он и поднялся бы над собой, но он никогда не пытался. А тем временем он остается чрезвычайно консервативным, и только случающиеся время от времени взрывы безрассудной истерии в результате воздействия какой-нибудь особой группы людей, выводят его из этой рутины.

И все же общество как целое существует. История — это процесс действия масс. Индивидуумы с талантом начинают его, но совершает этот процесс в действительности огромная масса обыкновенных людей. Новые изобретения, новые земли для колонизации или же другие нововведения не будут иметь никакого значения, если только они

постепенно не адаптируются, не начнут эксплуатироваться или давать еще какую-нибудь пользу. Общество как целое — консервативно, или, я бы даже сказал, предохранительно. Цивилизация на девяносто девять процентов состоит из привычек использования открытий прошлого либо влияния события минувшего. На фоне огромной массовой человеческой толпы в сравнении с огромным накоплением достижений прошлого, достижение одного гения или небольшой группы кажутся почти незначительными. Неудивительно, что прогресс медлителен и стремится к застою либо резкому спаду. Удивительно на самом деле то, что вообще могут происходить какие-нибудь замечательные события.

Хейм на несколько секунд остановился. Горам нетерпеливо шевельнулся.

— К чему вы ведете? — пробормотал он.

— Просто вот к чему. — Рука Хейма опустилась в карман и обхватила гладкую твердую рукоять ножа. Горам сидел, развалившись в кресле, склонив голову, хмуро уставившись в пол. Если лезвие направить сейчас прямо в эту толстую шею в парализующем ударе, а затем быстро резануть по яремной вене…

Сила ненависти, захлестнувшая Хейма, шо-

кировала его. Он должен быть выше грубости своего врага.

«Спокойнее… спокойнее… Этот шаг отчаяния необходим!»

— Два фактора управляют отдельными индивидуумами в обществе, — продолжил Хейм, и бесстрастное спокойствие голоса слегка удивило его.

— Вот первая простая причина общественного давления. Все мы хотим, чтобы нас одобряли наши товарищи, по крайней мере в разумных пределах. Нужен по-настоящему храбрый — и в некотором роде психопат — индивидуум, чтобы отличаться в каком-нибудь значительном отношении. Многие заплатили своими жизнями за претворение в жизнь нововведений. Поэтому гению будут мешать в начале его деятельности.

И, конечно, обычно это общественное давление заставляет подчиняться даже нежелающих того индивидуумов. К примеру, ученый может быть по природе и миролюбив, но едва ли он откажется от участия в военных исследовательских работах, если ему будет указано делать это.

— Вторая причина, менее заметная, но более эффективная. Это установки в сознании, накладываемые по мере взросления индивидуума

обществом, где приняты определенные условия жизни и правила мышления. «Прирожденный» пацифист, вырастая в милитаристской культуре, в целом принимает войну как часть естественного порядка вещей. Человек, который мог бы оказаться абсолютным скептиком в обществе, основанном на науке, почти всегда принимает богов и теократию, если он воспитывается в вере в них. Он может даже стать священником и направить свои логические таланты на разработку принятой теологии… и помогать в ликвидации неверующих. И так далее. Мне не нужно входить в детали. Сила социального воспитания невероятна, а в сочетании с общественным давлением становится почти непреодолимой. И, что весьма важно, правила и образ мыслей принимаются и навязываются в обществе массами — этим всепобеждающим большинством, недальновидным, консервативным, ненавидящим и боящимся всего, что является новым и странным, желающим пребывать лишь в том первоначальном состоянии, которое известно ему с рождения. Гения принуждают подстраиваться под уровень посредственности. И то, что он вообще оказывается в состоянии преодолеть эти преграды и выйти за пределы своего заточения — дань высшей силе

его интеллекта.

Хейм посмотрел на пустынную улицу снаружи. Дождь дико ударял по ее темнеющей поверхности.

— Солнечная Империя — не что иное, как торжество глупости над разумом. Если бы каждый человек мог думать самостоятельно, мы не нуждались бы в Империи.

— Следите за собой, — пробормотал Горам. — У правящего класса есть своя определенная широта взглядов, но не преступайте ее. — И более громко: — И что же это дает в случае Семнадцатой Станции?

— Ну, это триумфаторское подтверждение теории истории, как я только что объяснил, — ответил Хейм. — Мы изолировали чистокровных гениев от посредственностей и предоставили им полную свободу творить свою собственную судьбу. Результат превзошел все наши ожидания.

— Несомненно, здесь рождаются агрессивные, консервативные и эгоистичные люди. Но в этом мире сила социального воспитания и общественного давления — в стороне от этих тенденций, у них нет возможности развиваться.

— Создается впечатление, — Хейм повысил голос, — что гений показывает качественные

отличия благодаря количественным отличиям от простого человеческого разума. Гений — это совершенно другой тип, так же как идиот на другом конце шкалы. И здесь — на Семнадцатой — этот новый тип развивался, не ограниченный никакими рамками.

Он отвернулся от окна. Горам сидел неподвижно, уставясь в пол, и как же медленно тянулись эти несколько следующих секунд, пока он, наконец, не начал говорить.

— Я не знаю… — пробормотал он и запнулся.

В горле Хейма застряли поражение, отчаяние и сдерживающая ненависть. «Ты не знаешь! — прокричал его мозг эту мысль, и казалось невероятным, что Горам сидит, развалившись, здесь, не двигаясь и не слыша ничего. — Да, ты не знаешь. Такие, как ты, никогда не знают ничего, кроме собственного эгоистичного оправдания побуждений, которым следовало бы умереть века назад! Ты уничтожишь Семнадцатую, каковы бы ни были причины, просто из извращенности… и будешь утверждать, что сделал это во имя Империи!»

Нож, казалось, сам прыгнул в его руку. Он сделал выпад, прежде чем осознал это. Хейм увидел блеск лезвия клинка в опускаемой им вниз руке,

и ему показалось, словно другой человек владеет им. Удар отдался у него в мышцах, и на мгновение его сознание помутилось, все казалось нереальным… «Что же это я делаю?»

Нельзя было терять времени. Горам крутанулся на своем сиденье, пронзительно закричал и схватил Хейма. Нож глубоко засел у него в шее. Хейм дернул за него: вытащить его, приставить к горлу, убить…

Что-то ударило его сзади. В голове у него замелькали звездочки, он рухнул на пол и перевернулся. Сквозь туман головокружительной боли он увидел людей, согнувшихся над Горамом — людей этой планеты, спасателей чудовища, которое уничтожит их.

6

Служащий отеля спутанно бормотал слова, встревоженный и пораженный:

— Вам не больно? Вы… Не двигайтесь, лежите неподвижно, сейчас придет доктор…

Из-за боли Горам оторвал губы от зубов, но пробормотал ответ:

— Нет… Со мной все в порядке… Я ранен…

Доктор согнулся над его залитой кровью фигурой.

— Глубокая, — произнес он, — но не затронуты важнейшие вены. Ну-ка, я просто-напросто вытащу нож…

— Давайте, — прошептал Горам. — Впрочем, со мной бывало и хуже… Вот уж никогда не предполагал, что такое может случиться и здесь. Хейм лежал на полу, пока обрабатывали рану полководца. Его звенящая кружащаяся голова постепенно успокаивалась, и, медленно наполняя его ужасом, но не вызывая эмоционального шока, входило в его сознание понимание.

Горам ответил туземцам… на их собственном языке.

Над психологом согнулся человек.

— С вами все в порядке? — спросил он. — Простите, что пришлось ударить вас так сильно… Вот выпейте это…

Хейм заставил себя проглотить эту жидкость. Она неистово устремилась по его венам, и он уселся с помощью поддерживающих на уровне груди рук, удерживая голову руками.

Заговорил кто-то другой, и казалось, его голос доносится из бездны:

— Он услышал?

— Боюсь, что да, — ответил со стоном от боли Горам, его шея была уже перевязана бинтом. — Я слишком возбужден, чтобы хранить молчание. И это вызывает… неудобства.

Люди этой планеты помогли Хейму усесться в кресле. Он начал приходить в себя и сквозь туманную дымку посмотрел на человека, которого пытался убить. Остальные стояли около кресел, высокие бородатые мужчины в варварской одежде, следящие за ним с тревогой и странной жалостью.

— Да, — очень тихо произнес Тамман Горам, — помощник Верховного Маршала Солнечной Империи — уроженец Семнадцатой Станции.

— Кто еще? — прошептал Хейм. — Как и почему? Я пытался убить вас, потому что думал, что

вы собираетесь отдать приказ стерилизовать эту планету.

— Это была игра, — сказал Горам. — Я намеревался в конце концов сообщить, что эта Станция не представляет угрозы и может быть в безопасности оставлена для наблюдателей Основания. Исходящее из того, кто столь очевидно проявлял свое сильное стремление к противоположному мнению, это заявление было бы вдвойне убедительным для имперских официальных лиц. Именно могущественный и охваченный подозрительностью министр приказал провести расследование, и меня отправили, чтобы рассеять его опасения. Его преемником станет один из наших людей, который заявит, что Семнадцатая Станция не представляет никакой угрозы, не известна никому, перестает иметь какую-либо важность и вообще это неудачный эксперимент, проводимый несколькими безвредными идиотами.

— Но… разве вы… вы не были…

— О да! История моей жизни полностью настоящая. Много лет назад я стал неприметным рекрутом в пограничном гарнизоне, и с тех пор началось мое стремительное продвижение в соответствии с принципами Империи. Все наши

люди в Империи выдерживают такие самые тщательные проверки. Иногда они происходят из семей, которые прожили уже несколько поколений на имперских планетах. Наша программа замены руководящего персонала нашими людьми была задумана еще столетия назад и успешно осуществляется, что доказывается хотя бы тем, что в среднем, через долгие промежутки времени, эти люди становятся намного более способными, чем кто-либо другой.

— Сколько же времени?..

— Около пятисот лет. Вы неодооценили способности ваших экспериментальных «мышей». — Горам на мгновение остановился, а затем спросил — Если человеческий разум так качественно отличается от животного, как гений — от обыкновенного… тогда скажите мне, что может являться эквивалентом гениев в мире, где средний человек — гений по обычным стандартам?

— В процессе эволюции сохраняются только наследственные черты гениальности, и в действительности этот процесс происходит более быстро, чем это можно было бы объяснить, основываясь на чем-нибудь другом, а не на существовании ортогенетического фактора в эволюции. Супергений — дадим ему имя и на-

зовем его Превосходящим, поскольку это совсем другое качество, — имеет способности, с которыми обыкновенный разум сравним не более, чем простой инстинкт — с логикой.

— Ваши театральные божественные откровения не были забыты, их осторожно осмысливали. Позже, когда была развита теория эволюции, показалось странным, что человек, хотя и являлся по существу животным, не имел видимого филогенезиса. Истории о «богах», теории эволюции и астрономия — мы начали подозревать правду. И с этим подозрением для Превосходящего не представляло сложностей обнаружить ваших замаскированных психологов. Похищения, допросы с использованием лекарственных средств, усовершенствованных с помощью психиатрии, и освобождение пленников, у которых стирали память об этом, сообщили нам остальное. Позднее, под обликом других пленников, вместе с их знаниями и их собственным разумом, один Превосходящий за другим были переправлены на наблюдательный астероид, а после этого и по всей Галактике, и хватило обычного шпионажа, чтобы открыть принципы межзвездного привода и другие механизмы Империи.

— Вся эта планета… лишь прикрытие? — про-

бормотал Хейм.

— Да, — прохихикал Горам. — Скорее, развлечение для всех, кого это касается. Вы были бы удивлены теми устройствами, что у нас есть за пределами достижимости ваших шпионских приборов. И как только они устаревают в достаточной мере, нашим детям говорят правду. Все это вносит совсем немного отличий в нашу жизнь, если забыть о тех нескольких миллионах, что находятся в Галактике, завоевывая ее.

— Завоевывая… ее? — Казалось, сознание Хейма медленно переворачивалось, бесконечно медленно и утомленно.

— Конечно. — Странное сочетание суровости и симпатии появилось на резких чертах Горама. — Ясно, что одна планета не может сражаться с Галактикой, да мы и не хотим этого. Хотя мы не можем допустить и того, чтобы она представляла для нас угрозу. И единственный ответ — присоединение.

— А… затем?

— Прошу прощения, — медленно и неумолимо донесся голос Горама, — но боюсь, вы превысили добрые намерения эксперимента с эволюцией породы чистокровных гениев. В конце концов, от Гомо Интеллидженса нельзя ожидать, что он

будет служить гомо сапиенсу так же, как древний человек — обезьянам.

— Мы завоевываем варваров и Империю похожим образом. После этого Галактика будет делать то, что мы пожелаем. О, мы не будем суровыми властелинами. Возможно, человечество так никогда и не узнает, что им правят извне и для него настанет период мира и довольства, такой, какого он даже не мог и вообразить себе. А что касается вас… — Хейм со слабым потрясением осознал, что его даже не интересует и не заботит, что же случится лично с ним. — Вы нам симпатичны, но вы лольяны по отношению к Империи. Вы думали о нас только в связи с нашей полезностью Империуму. Возможно, мы могли бы поверить, что вы сохраните в тайне наш секрет, а, может быть, и нет. Мы не можем пойти на такой риск. Вы можете даже неосознанно выдать правду. Не можем мы и стереть вашу память об этом — остались бы следы, которые опытный психиатр мог бы заметить, а все высокопоставленные официальные лица регулярно подвергаются психоаналитическим проверкам. Так что мне просто придется сообщить, что вы в результате несчастного случая погибли на планете. — Горам улыбнулся. — Не думаю, что эта пожизненная

ссылка в этом мире, за пределами обзора ваших наблюдателей, покажется вам неприятной. И мы также попытаемся сделать вашим преемником одного из наших людей. Для этого готово почти все.

Он добавил задумчиво:

— По правде говоря, Галактика подготовлена для нового Императора Солнечной Империи.